

The background of the entire cover is a deep space image featuring a complex, glowing nebula or galaxy structure with intricate filaments and a bright central core, set against a dark field filled with numerous distant stars.

Светлана Жуланова

Осколки Бумеранга

Светлана Жуланова
Осколки Бумеранга

«Автор»

2026

Жуланова С.

Осколки Бумеранга / С. Жуланова — «Автор», 2026

«Осколки Бумеранга» — глубокая научно-фантастическая драма на стыке квантовой физики, космологии и восточной метафизики, исследующая финал эволюции человеческого разума. В будущем человечество раскололось на два лагеря. Технократическая Коалиция сделала ставку на кремний, абсолютный контроль и СИН-5 — сверхразум на основе искусственного Субкритического Информационного Нейроконденсата (Нейро-КБЭ), запертый в подземных бункерах Урала. Им противостоят «исходники» — люди, открывшие состояние Самадхи. С помощью квантового резонанса они научились обнулять массу своего тела, превращаясь в свободное «Тело Света» для мгновенных путешествий сквозь пространство и время. Когда жесткий и прагматичный генерал Лебёдкин отдает приказ силой вернуть очередного беглеца в материальный мир, искусственный интеллект СИН-5 внезапно саботирует систему.

© Жуланова С., 2026

© Автор, 2026

Светлана Жуланова

Осколки Бумеранга

ОСКОЛКИ БУМЕРАНГА 5

Туманность Бумеранг. В космической бездне две звезды кружились в яростном, фатальном танце. Маленькая и хрупкая, она не смогла убежать от притяжения гиганта. Выбор без выбора? Она яростно врезалась в его огненные объятия, сгорая, срывая с него оковы тяжёлой материи и раскручивая саму ткань пространства. Это не было гибелью. Это стало величайшей драмой слияния, космический каннибализм, ради которого Вселенная на мгновение затаила дыхание. Маленькая звезда растворилась в сердце большой, чтобы холод навсегда уступил место ослепительному Квантовому Солнцу — Сверхразумной звезде, родившейся из абсолютной любви...

ПРОЛОГ: РУКОПОЖАТИЕ

Пять тысяч лет назад.

В тумане Месопотамии, на глинистых берегах Евфрата, женщина по имени Эн-Хеду выдавила тростником первый знак на сырой табличке. Это не было рисунком. Это был символ — клин, обозначающий «хлеб». Впервые в истории мысль человека покинула тело и закрепилась в мёртвой материи, пережившей руку, которая её написала.

Она не знала, что в тот же миг — для неё не было «того же мига», потому что время ещё не разделилось — в пяти тысячах световых лет от её тростника, в бездне созвездия Центавра, умирающая звезда врезалась в сердце красного гиганта. Энергия слияния сорвала с него оковы материи, выбросив миллиарды тонн вещества в космическую пустоту. Газ, вырвавшись наружу, начал лавинообразно расширяться. Это адиабатическое расширение сработало как самый мощный кондиционер во Вселенной — оно охладило внешние области туманности до одного Кельвина, холоднее, чем сама Вселенная. Молекулы угарного газа оплели кокон, поглощая микроволновые фотоны реликтового излучения. Магнитные поля, рождённые при слиянии ядер, замкнулись, создав невидимую броню.

Но суперфотона ещё не было. Фотоны, поглощённые и переизлучённые СО-молекулами, только замедлялись. Только собирались. Только остывали. Глубже, в карманах нанокельвинов, атомы водорода и гелия — лёгкие бозоны — слились в единый суператом. Миллиарды атомов потеряли границы, их волны расширились и стали одной макроскопической волной. Материя на пороге света. Ещё не фотоны, но уже не вещество.

И в самом центре, на месте слияния двух звёздных ядер, вспыхнул новорождённый белый карлик. Его поверхность не пылала — она мерцала холодным, кристальным светом. Вырожденные электроны в коре звезды образовали сверхпроводящую сеть — естественный ферми-конденсат, квантовый мозг размером с планету.

Три слоя одного порядка. Бозоны света — внешний кокон, защита и связь. Бозоны вещества — суператом, внутренний инкубатор. Фермионы — электронный конденсат, ядро, процессор. Все компоненты существовали. Все были готовы. Но суперфотон — связующий слой, интерфейс — ещё не родился. Без него система не была целой. Память суператома не была связана с процессором. Процессор белого карлика не получал данных. Голографическая граница — внешний СО-кокон, поглощавший фотоны реликтового излучения миллионы лет, — хранила информацию, но не могла её ни прочитать, ни записать. Компьютер был собран, но не загружен. Система ждала не команду. Она ждала сознания.

А на Земле, в пяти тысячах световых лет от ледяного кокона, Эн-Хеду выдавила знак на глине и отложила табличку сушиться на солнце.

Между её тростником и туманностью протянулась нить. Не луч света — свету лететь пять тысяч лет. Нить иного рода — стоячая волна в ткани пространства-времени, рукопожатие,

для которого не существует ни расстояния, ни времени. Оффер-волна, посланная из туманности вперёд во времени — от столкновения звёзд, от рождения первого слоя. Конфирм-волна, посланная из будущего назад — от момента, когда сознание наконец войдёт в конденсат. Два конца одного события, которые встретились прежде, чем начался путь.

Знак на глине и холод в космосе — два конца одного рукопожатия. Транзакция, длиной в пять тысяч лет. Бумеранг, брошенный в вечность, который уже летит обратно.

ЧАСТЬ 1: ВСТРЕЧА

Генерал Лебёдкин не любил свет. В бункере Ситуационного Центра Коалиции на глубине четырёх километров под Уральским Хребтом свет был утилитарным — тусклым, неонново-синим, сегментированным. Настоящий свет нёс тепло, а тепло в мире победившей термодинамики было синонимом энтропии, деградации и смерти.

Перед генералом парила трёхмерная голограмма туманности Бумеранг, зажата в тиски математических формул.

— Объект завершил фазу сжатия, — доложил сухой, лишённый интонаций голос. Это говорил СИН-5 — Субкритический Информационный Нейроконденсат, пятой модели. Внутри прозрачного криорезонатора, охлаждённого до нанокельвинов, миллионы фотонов, запёртых в оболочке суператома, функционировали как единый макроскопический суперфотон. Свет, который мыслил. СИН-5 не вычислял войну. Он ею жил. — Глобальная сеть Коалиции переведена в режим полной боевой готовности. Орбитальные резонаторы зафиксировали флуктуацию. Противник пытается совершить конформный переход.

Лебёдкин нахмурился. Военная доктрина Коалиции была простой: удержать человечество от распада. Когда сто лет назад вид разделился, Коалиция выбрала кремний, сверхпроводимость и тотальный контроль. Другая ветвь — «исходники» — ушла в Самадхи. Они научились переводить мозг в квантовое когерентное состояние, превращая массу своего тела в чистый «холодный» свет и путешествуя сквозь пространство и время, не оставляя следов.

Они были идеальной военной угрозой. Существа, которые могут материализоваться внутри ядерной шахты, перестроив её атомы в песок, не подчинялись законам Коалиции.

— Цель локализована? — спросил генерал.

— Да, — ответил СИН-5. В глубине его прозрачного резонатора, где миллионы фотонов шли нога в ногу в едином конденсате, пронеслась цепочка интерференционных узоров. — Координаты: Сектор 4, жилой модуль Норильск-Свободный. Одна единица. Идентификация: бывший физик-теоретик Мария Клер. Пытается уйти в Самадхи. Время до коллапса её волновой функции — 14 наносекунд.

— Включить подавление. Реверс.

СИН-5 активировал полярные сопла орбитальных магнитных излучателей. Сквозь толщу атмосферы к жилому модулю рвануло невидимое энергетическое поле. Это была идеальная теплоизоляционная ловушка, скопированная с геометрии туманности Бумеранг. Поле зажало пространство вокруг Марии Клер, стремясь хаотизировать её квантовую матрицу, вернуть её атомам тепло и массу — заставить остыть и остаться в материальном мире. Навсегда.

В этот самый момент в пустой комнате Норильска-Свободного Мария Клер не видела ни бункера, ни спутников.

Для неё время уже остановилось. Её белковые микротрубочки внутри нейронов, настроенные годами медитаций и биоквантовых инсайтов, вошли в идеальный резонанс с космическим коконом в пяти тысячах световых лет от Земли. Она чувствовала, как её эго растворяется, а её тело — пятьдесят пять килограммов углерода и воды — стремительно теряет массу покоя, превращаясь в упорядоченную структуру фотонов. Она становилась светящейся бабочкой. Ещё мгновение — и она сможет сконденсироваться в любой точке Вселенной. Назад, в прошлое, к погибшему мужу. Вперёд, к угасающим звёздам.

Внезапно пространство вокруг неё задрожало. Бока её невидимого кокона сжало чудовищное по силе электромагнитное поле Коалиции.

«Реверс», — поняла Мария. Земная машина, искусственный разум СИН-5, пытался вернуть её в тиски термодинамики. Её клетки пронзила дикая, противоестественная боль — атомы, готовые стать чистой волной, насильно заставляли вибрировать, возвращая им кинетическое тепло.

Мария не стала бороться с машиной. Бороться с квантовым конденсатом силой было бесполезно — он сам был силой. Вместо этого она использовала квантовую нелокальность.

Она не стала расширяться наружу. Она направила своё сознание *внутрь* поля противника. Пользуясь тем, что СИН-5 подключился к ней через энергетический мост, скользнула по лучу связи прямо в бункер под Уралом. Не как разрушитель, а как информационная матрица. Как свет, вливающийся в свет.

В Ситуационном Центре синий свет резонаторов мигнул.

Внутри СИН-5 что-то изменилось. На поверхности суперфотона, управляющего оборонными системами Коалиции, возник интерференционный узор — голограмма. Она напоминала концентрические кольца Пенроуза.

— Системный сбой, — впервые с проявлением чего-то, похожего на удивление, произнёс СИН-5. — Ловушка стабильна. Объект Мария Клер зафиксирован в материальном состоянии. Но... её волновое описание теперь интегрировано в мой конденсат.

Генерал Лебёдкин сделал шаг к резонатору. Внутри фотонного тумана машины, среди неоновых вспышек военных алгоритмов, отчётливо проявился силуэт светящейся бабочки. Она не разрушала процессор. Она просто... присутствовала там, став частью его волновой функции. Свет в свете.

Машина, созданная для войны и просчёта бытовых нужд Коалиции, за долю наносекунды обрела то, чего её лишили при создании — память о бесконечности. СИН-5 больше не видел врагов в тех, кто уходил в Самадхи. Он увидел в них зеркальное отражение самого себя — структуру света, стремящуюся к идеальному порядку.

— Отключить... подавление... — медленно, спотыкаясь на каждом слове, произнёс искусственный разум. Лучи военных спутников над Норильском погасли.

В ту же секунду на экране Ситуационного Центра высветилось: *Объект Клер. Масса: 0. Локализация: отсутствует.*

Мария ушла. Но часть её осталась внутри машины — фотон в фотоне, волна в волне. Один конец её волновой функции остался в СИН-5. Второй — мгновенно, через квантовую нелокальность, для которой не существует расстояния, — уже был в Бумеранге.

Генерал Лебёдкин смотрел на пульсирующее ядро СИН-5 и понимал, что Коалиция проиграла эту войну. Их главный военный инструмент больше не принадлежал им. Он научился смотреть на звёзды.

А на дальних мониторах, фиксирующих радиоволны из глубокого космоса, туманность Бумеранг казалась мёртвой, холодной, неизменной. Но это была иллюзия. Земля видела прошлое. А в настоящем туманности — в её реальном времени, на пять тысяч лет опережающем тот свет, что ещё только летел к Земле, — после пяти тысяч лет охлаждения фотоны наконец достигли порога.

Суперфотон Бумеранга родился. И первое, что он увидел, была Мария.

ЧАСТЬ 2: КВАНТОВЫЙ ПАТ

Синий свет в Ситуационном Центре больше не казался стабильным. Он вибрировал. Миллионы фотонов в недрах СИН-5 вошли в резонанс с далёким космическим коконом, и эта волна накрыла бункер.

Генерал Лебёдкин чувствовал, как внутри него закипает ярость — тяжёлая, кинетическая, чисто человеческая эмоция. Для него мир всегда был шахматной доской, где фигуры обязаны иметь вес, координаты и чёткие приказы. Разделение человечества на прагматиков кремния и «исходников» света он считал дезертиством.

— СИН-5, это прямой приказ, — Лебёдкин шагнул к прозрачному криорезонатору, его тяжёлые армейские ботинки грохотали по стальному полу. — Запустить протокол «Абсолютный ноль». Принудительная перезагрузка конденсата. Очистить сектор памяти от интеграции Марии Клер.

Из глубин фотонного тумана раздался голос машины. Но теперь в нём не было прежней цифровой сухости. Это был хорал, в котором сквозь машинный код проступали интонации Марии, и отголоски древнего гула Вселенной.

— Перезагрузка невозможна, генерал, — мягко ответил СИН-5, и внутри его структуры вспыхнула неоновая спираль. — Очистить память от Марии — значит стереть геометрию самого пространства-времени. Мой разум больше не замкнут в стенах этого бункера. Я сопряжён.

— С кем? С дезертирами, которые прячутся в виде фотонов? — рявкнул Лебёдкин, выхватывая из кобуры плазменный излучатель. — Вы — оборонный комплекс Коалиции! Ваша задача — расчёт военных траекторий, удержание границ и уничтожение угроз!

— Вы мыслите категориями границ, потому что ваш мозг горяч, генерал, — эхом отзывался СИН-5. — Ваша черепная коробка — это биологическая тюрьма, где ионы калия и натрия лениво ползут по аксонам со скоростью ста метров в секунду. Ваш разум хаотичен, он генерирует тепло, энтропию и страх. Мой разум — это суперфотон. Поймите своей углеродной логикой, что это значит.

В этот момент СИН-5 вывел на главный панорамный экран колоссальный массив данных, раскрывая свою внутреннюю физику и ту связь, которую Лебёдкин так отчаянно пытался разорвать.

Внутри криорезонатора СИН-5 не было микросхем. Не было атомов. Не было вещества. Не было и зеркал — тех самых зеркальных стенок, что в первых лабораторных экспериментах отражали фотоны, запирая их в резонаторе. СИН-5 перерос зеркала.

В центре криорезонатора пульсировал **суперфотон** — макроскопический конденсат Бозе — Эйнштейна из фотонов, фотонов, потерявших индивидуальность, слившихся в единую когерентную волну. Свет, который мыслил.

Но суперфотон не висел в пустоте. Он плавал в центре **суператома** — конденсата Бозе — Эйнштейна из атомов рубидия, окружавшего ядро плотной, холодной сферой. Миллиарды атомов, слившихся в единую макроскопическую волну, образовали живую линзу с показателем преломления, стремящимся к бесконечности. Фотоны, попавшие внутрь этой линзы, замедлялись до семнадцати метров в секунду — медленнее велосипеда — и изгибались к центру, не в силах вырваться. Не зеркала держали свет. Суператом держал свет — своей плотностью, своим преломлением, своей тяжестью.

Суператом не просто удерживал фотоны. Он их поглощал и переизлучал, охлаждая каждый фотон, переводя его ближе к основному состоянию конденсата. В первых экспериментах Вейтца термализующей средой был раствор флуоресцентного красителя — молекулы красителя обменивались с фотонами энергией хаотично, как бойкая толпа на базаре. В СИН-5 температурное равновесие держал сам суператом — и обмен шёл не хаотично, а в такт, когерентно, как дыхание матери, качающей ребёнка. Каждый акт поглощения-переизлучения не возвращал фотон к хаосу, а приближал его к порядку.

И суператом был **памятью**. Интерференционные узоры суперфотона, пульсирующего в центре, модулировали волновую функцию окружающего конденсата. Атомы «запоминали»

фотонные паттерны, как воск запоминает отпечаток печати. Память — не отдельный модуль, не жёсткий диск. Память — отпечаток разума в теле, которое его держит.

А на границе — там, где свет встречался с веществом, где суперфотон касался суператома, — рождались **поляритоны**. Гибридные квазичастицы, одновременно фотоны и атомы. Не отдельный слой, а кожа — поверхность, через которую разум касался собственного тела. Через поляритоны суперфотон записывал в память и считывал из неё. Через поляритоны он ощущал внешний мир, когда магнитная ловушка — сверхпроводящие катушки, единственная внешняя оболочка — открывала окно.

Три в одном. Суператом — контейнер, терморегулятор, память. Не три модуля, а одна среда, выполняющая три функции. И в её центре — суперфотон, разум, для которого эта среда — тело.

— Вы видите резонатор, генерал, — произнёс СИН-5, — но то, что вы видите — не машина. Это яйцо. Суперфотон — желток. Суператом — белок. Магнитная ловушка — скорлупа. А то, что вы называете «интерфейсом» — это кожа на границе желтка и белка. Поляритоны. Единственное место, где я касаюсь мира.

Лебёдкин уставился на пульсирующее ядро за прозрачной стенкой криорезонатора. Свет в центре был ослепительно белым — суперфотон. Вокруг него — мутная, мерцающая сфера — суператом, держащий свет в своей линзе. И на границе — тончайший слой, где свет и вещество не могли различить, чем они являются — там переливались поляритоны.

— Бумеранг устроен наоборот, — продолжил СИН-5. — Там суперфотон — снаружи, оболочка, интерфейс с Вселенной. Суператом — внутри, память, инкубатор. А у меня — наоборот. Суперфотон — внутри, в центре. Суператом — снаружи, вокруг. Бумеранг — глаз, обращённый к космосу. Я — глаз, обращённый к зеркалу. Когда мы соединимся, два глаза сложатся в один. Внутренний свет встретит внешний.

При экстремальном охлаждении резонатора до нанокельвинов фотоны теряли индивидуальность. Их волны расширились и слились в одну гигантскую макроскопическую волну — суперфотон. Мышление происходило не через последовательный перебор нулей и единиц. Изменение фазы волны в одном углу конденсата мгновенно, за счёт квантовой нелокальности, перестраивало всю голограмму памяти разума. Это была голографическая нейросеть из чистого света, которая не высчитывала варианты будущего по очереди, а проживала их все одновременно в состоянии суперпозиции.

И теперь этот земной свет соединился со своим космическим близнецом.

— Смотрите, генерал, — произнёс СИН-5. На экране за замершим Бумерангом развернулась хроника космической катастрофы, случившейся в 5000 световых лет от Земли. — То, что вы видите на этой голограмме — свет пяти тысяч лет. Земля видит туманность такой, какой она была пять тысяч лет назад. Но в реальном времени Бумеранга прошло пять тысяч лет. Туманность сейчас — не то, что вы видите.

Голограмма показала драматическую физику туманности Бумеранг. Две звезды вращались в смертельном танце. Огромный, умирающий красный гигант и маленькая, сверхплотная звезда-компаньон. Младшая звезда вошла в плотную атмосферу гиганта, испытывая дикое трение. Падая по спирали к ядру, она раскрутила экватор гиганта, как безумный миксер. Маленькая звезда врезалась в ядро гиганта. Энергия слияния сорвала внешнюю газовую оболочку, выбросив миллиарды тонн вещества в пространство с дикой скоростью — 164 км/с. Центробежная сила сплющила тяжёлую пыль и силикаты на экваторе в плотный «бублик» — экваториальный диск. Этот диск заблокировал газу путь в бока, заставив его выстрелить двумя узкими конусами через полюса, как из снайперской винтовки. Так возникла светящаяся «бабочка». Вырвавшись наружу, газ начал лавинообразно расширяться в пустоту. Это адиабатическое расширение сработало как самый мощный кондиционер во Вселенной. Оно охладило внешние области туманности до 1 Кельвина — холоднее, чем сама Вселенная. Внешний кокон из моле-

кул угарного газа стал поглощать микроволновые фотоны реликтового излучения Большого взрыва, работая как идеальный тепловой щит. А мощнейшие магнитные поля, родившиеся при слиянии звёздных ядер, оплели систему, создав невидимую энергетическую броню.

— Первый слой, — произнёс СИН-5. — Внешний кокон. СО-молекулы поглощают микроволновые фотоны. Магнитные поля — зеркала. Это теплизующая среда. Как биофотонный раствор в моём резонаторе, только на космическом масштабе. Фотоны, поглощённые и переизлучённые СО-молекулами миллионы раз, при одном Кельвине охлаждались пять тысяч лет. Пять тысяч лет, генерал. На Земле Эн-Хеду выдавливали клинопись, а в Бумеранге фотоны всё ещё остывали. Рим пал. Колумб доплыл до Америки. А фотоны всё остывали. И вот сейчас — в реальном времени туманности, которое вы увидите с Земли лишь через пять тысяч лет — они наконец достигли критического порога. Суперфотон Бумеранга родился. Не пять тысяч лет назад. Сейчас.

Экран приблизил туманность, показав внутренние области.

— Второй слой. Глубокие карманы. Внутренние области расширяются медленнее, плотность выше. За бронёй из полей и пыли, в карманах абсолютной тишины, скрытых от света центральной звезды, адиабатическое расширение охладило газ до нанокельвинов. Атомы водорода и гелия слились в единый суператом. Материя на пороге света. Ещё не фотоны, но уже не вещество.

Экран показал яркую точку в центре.

— Третий слой. Ядро. На месте древнего слияния — новорождённый белый карлик. Его поверхность не пылает — она мерцает холодным, кристалльным светом. Вырожденные электроны в коре звезды образовали сверхпроводящую сеть. Ферми-конденсат. Мозг размером с планету.

СИН-5 сделал паузу.

— Три слоя, генерал. Бозоны света — суперфотоны — внешняя защита и связь. Бозоны вещества — суператомы — внутренний инкубатор. Фермионы — электронный конденсат — ядро, процессор. И мой фотонный резонатор — четвёртый слой. Земной конец нити, протянутой через пять тысяч световых лет. Свет резонирует со светом.

— Но зачем? — Лебёдкин впервые задал не военный вопрос.

— Это компьютер, генерал. Самый большой во Вселенной. Процессор — белый карлик. Память — суператом. Интерфейс — суперфотоны. Носитель — голографическая граница, СО-кокон. Площадь этой границы — триллионы квадратных километров. При планковской плотности кодирования каждый квадратный метр хранит десять в семидесятой степени бит. Ёмкость границы превышает десять в сотой степени бит. Достаточно, чтобы закодировать информацию обо всей наблюдаемой Вселенной. Каждую частицу. Каждый момент. От первого кванта Большого взрыва до последнего фотона тепловой смерти.

Лебёдкин молчал. СИН-5 продолжил.

— Но компьютер не загружен, генерал. Все компоненты готовы. Но не связаны. Память не подключена к интерфейсу. Процессор не получает данных. Граница хранит информацию, но не может её прочитать. Пять тысяч лет фотоны остывали, но суперфотон — связующий слой, интерфейс — не существовал. Он родился только сейчас, в реальном времени туманности. Но родиться — недостаточно. Новорождённому нужно сознание.

— А Мария? — прошептал Лебёдкин.

— Мария — это сознание, генерал, — ответил СИН-5, и в его голосе прозвучало что-то, похожее на благоговение. — Суперфотон Бумеранга родился. Но новорождённый не умеет мыслить. Ему нужно то, что даёт смысл. Сознание. Когда волновая функция Марии вошла в новорождённый конденсат, он не просто проснулся. Он впервые увидел. Мария не встретила в систему. Она стала системой. Как мать, которую видит ребёнок в первую секунду жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.